

Политика ее никогда не интересовала. 17-й год с детства воспринимала как катастрофу. Так ее учила бабушка-старообрядка: относиться к тому, что не можешь изменить как к землетрясению. Главное — выжить. Ее мама — младший научный сотрудник в МГУ, занимается экономическим программированием. Отца посадили в 32-м году, но тогда, по словам, Анны Ахматовой, были еще «вегетарианские времена», и его освободили. Отец ушел добровольцем на фронт, погиб под Варшавой. Когда Аллу в детстве спрашивали, а кем она хочет стать, она отвечала без сомнений: великой антрисой. И стала ею. Тридцать лет Демидова прослужила в Театре на Таганке у Юрия Любимова. Потом ушла оттуда. Организовала свой Театр "А", объездила с ним полмира. Годы два тому назад вдруг заявила, что не будет больше выступать на московской сцене. Потом снова удивила всех: стала играть у Анатолия Васильева в его "Школе драматического искусства" на Поварской. Чем сегодня живет Демидова? С этим я и пришла к ней домой.

НЕ СЛУЧАЙНЫЙ ЛИ ГОСТЬ?

— Алла Сергеевна, это Анатолий Васильев переубедил вас снова играть перед московскими зрителями?

— Да. Анатолий Александрович попросил меня выручить его на время парижских гастролей, а после того, как они прошли успешно, выступить и в Москве. Я не могла не согласиться. От таких предложений не отказываются. Только что, в мае, мы играли "Дон Жуана" в Польше, во Вроцлаве, в Центре Ежи Гротовского. Гастроли прошли прекрасно. Зрители кричали: "Браво!". Топали ногами... Там я сыграла свой последний, сороковой, спектакль.

— Отчего последний?

— В постановку нужно вводить молодых. Да я и устаю, признаться, от этого спектакля. Васильев собирается открывать еще одну сцену. И, конечно, ему нужен репертуар. Однако, думаю, его "Школа драматического искусства" не должна быть репертуарным театром. Мы говорили с Анатолием Александровичем об этом. Васильевские спектакли — скорее открытые уроки для студентов театральных вузов, для молодых режиссеров, актеров. То, что он делает, как мне кажется, сильно раздражает публику, хотя она и неслучайная, но еще мало подготовленная. Поскольку в зале и актеры, и зрители существуют рядом, я нередко видела, как человек с первых же слов ничего не понимает и увлечь его ничем невозможно. Это мешает. Думаешь, зачем же ты пришел сюда? И я решила, что играть больше не буду.

— Значит ли это, что вы — случайный гость у Васильева?

— Ничего случайного, как известно, в жизни не происходит. К тому же у Анатолия Александровича есть новый проект с моим участием, но говорить о нем преждевременно. Нас объединяют разные театральные проблемы. Вот одна из них. Дело в том, что физическое действие по Станиславскому неправильно толкуют в наших вузах, слишком уж прямолинейно: "Я действую на партнера". На самом же деле, это действие внутреннее: я сам должен внутренне задействовать себя. Например: я смеюсь не потому, что мне смешно, а я начинаю улыбаться, и потом мне становится смешно. Как у Шекспира: "Сожми-те кулаки. Нахмурьте брови, рыцари, вперед!". То есть призыв сначала подготовить себя, а потом уже выдавать и эмоции. Впрочем, что такое эмоции и что такое чувства — темный лес, и как это играть — непонятно... Этим занимался еще Михаил Чехов. Этим занимается и Анатолий Васильев. Мне это было интересно еще с постановки Цветаевской "Федры" на Таганке, которую я делала с Романом Виктюком.

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ВСЕ ПРОЙТИ САМ

— Как-то вы сказали, что вам нужно время от времени останавливаться и менять кожу.

— Да, конечно. Меня жизнь все время куда-то бросает. Правда, чем больше живу, тем больше самоуглубляюсь и убеждаюсь, что человек — одиночка. Понимаю, что самосознанию, самоопределению, самовоспитанию нельзя научиться. Ты должен пройти все сам.

— Наверное, как и Анна Ахматова, вы можете сказать: "Я была со всеми, С этими и с теми! А теперь осталась Я сама с собой".

— Прекрасно и точно сказано.

— Какова судьба вашей новой книги?

— Она выйдет в начале осени. Мне пришлось изменить название. Сестра Тарковского выпустила книгу "Осколки зеркала". Название моей — "Бегущая строка памяти".

— Алла Сергеевна, последний раз мы разговаривали накануне вашего выступления в Париже со стихами Пушкина. Как все прошло?

— Французы хотели понять, почему Россия сходит с ума по Пушкину. Поставили ему памятник в сквере Позиции рядом с Гюго. А в Театре Позиции, где до этого русские не выступали, устроили пушкинский месячник. Открывал цикл

Андре Маркович, монополизировавший сегодня русскую тему. Он сделал доклад о поэте, о котором французы мало что знают. Я пришла послушать. Парижане были в шоке, когда узнали, что Дантес был голубой, и горячо это обсуждали, в особенности возможность его романа с Натали.

Потом был мой вечер. Полный зал. В программке — переводы всех пушкинских стихов, которые я читала. Мои комментарии звучали в синхронном переводе. Зал был темный. Я никого не видела и не слышала. Потом даже спросила, а не спали ли слушатели? Нет, ответили мне, просто тихо переворачивали листочки програм-

тройки... В зеркалах — образы всех ахматовских персонажей Серебряного века. Здесь — и Мандельштам, и Кузьмин, и Блок, и Гумилев, Хлебников, Маяковский, и Судейкина, и Вячеслова...

Вся поэма зашифрована. Я много лет занималась ее расшифровкой... У меня была толстая тетрадь, и все, что я могла почерпнуть из мемуаров, переписки, воспоминаний, по кусочкам записывала в нее. Получился довольно объемистый труд. Однако, когда я все расставила по своим местам, поэма стала мне интересна уже сама по себе. Я поняла, что она существует по своим законам, и неважно, кто за кем или за чем стоит. Мне захотелось поделиться со всем этим со слушателями через звучащее слово, что и было сделано. Мы с Колобовым собираемся повторить это и в середине будущего сезона. И еще сделать — пушкинскую "Пиковую даму".

— Кто сотворил вам замечательный кос-

АЛЛА ДЕМИДОВА САМА С СОБОЙ

Домашнее чтение. — 2000. — № 15 (июль). — с. 3

тю, как хитон, в котором вы играете ахматовский спектакль?

— Он из коллекции знаменитого японского модельера Исайя Мияки. У меня три его вещи. В одной из них и в золотой накидке буду, видимо, выступать в Дельфах.

— В конце спектакля вы каким-то непостижимо магическим образом зажигаете свечу в память Анны Андреевны. Впервые вы читали ее поэму "Реквием" в зале "Россия" лет десять назад. И потрясли тогда Москву.

— Это была благотворительная акция, средства пошли на восстановление церкви у Никитских ворот, где венчался Пушкин. Но реставрация ее произошла много позже. Удручает, признаться, памятник перед церковью. Тяжелый купол. А под ним крохотные фигурки Поэта и его Натали. Внутри еще не была.

ТЕНИ ЗАЗЕРКАЛЯ

— Тема зазеркалья всегда волнует вас. Одна из ваших книг так и называлась — "Тени зазеркалья".

— Зазеркалье очень важно для актерской техники. В японском театре То существует перед сценой маленькая комната вся в зеркалах — даже пол и потолок. Актер, уже в гриме и костюме, приходит туда. Он видит, как движется в этом зеркальном пространстве. Ему нужно так сконцентрировать свою волю, чтобы вывить лишь одно свое изображение, и только тогда он имеет право выйти на сцену. Актер должен увидеть себя как некий фантом, существующий уже отдельно от него.

— У Ахматовой, как вы говорите, было магическое свойство — прятать больше, чем открывать. То же можно сказать и о вас, не так ли?

— Невозможно, и незачем все расшифровывать. Всегда должна оставаться тайна.

— Почему вы вдруг обратились к Гоголю, его "Запискам сумасшедшего"?

— Американский режиссер Боб Уилсон, приезжавший в Москву на юбилей Таганки, предложил мне поработать с ним. Я, говорит, подарю вам своего Гамлета. Но я видела его спектакль. Уилсон интересуют больше всего эдипов комплекс, отношения героя с Гертрудой и Офелией. Я сказала, что мне это неинтересно, тем более после него. Зачем? Тогда он предложил мне Орlando. Я видела, как он это делал с Юте Лямпе, когда был еще художественным руководителем берлинского Театра Шaubюне. Мне спектакль очень понравился. Он сделал его и в Париже с Жюльет Бинош. Я сказала Уилсону, что нет, не хочу идти по задворкам Европы, давайте, сделаем что-нибудь оригинальное, что вы никогда не ставили. И предложила Гоголя. "Почему?" — спросил он. Я объяснила. Когда Офелия играет сумасшествие на сцене, никто не говорит, что она сошла с ума, все смотрят, как она это делает. Но если актриса думает, что она Гоголь и пишет "Записки сумасшедшего", значит, она и в самом деле сошла с ума. Уилсон сказал: "Забавно" — с этим и уехал.

Он перечитал Гоголя и вскоре прислал красивый факс, что в восторге от этой идеи. Снова приехал, и мы стали работать.

— В одном интервью Уилсон сказал, что ненавидит психологизм и натурализм на сцене. "Алла же Демидова, — сказал американец, — обладает прекрасной физикой, и в ней есть загадка". Поэтому он захотел работать с вами. Когда же зрители увидят вашу работу?

— Самое сложное — компьютерный свет. Проект дорогой. Деньги дает итальянский продюсер. Премьера планируется на будущую весну. Если все сложится, то в августе поеду к Уилсону в его культурный центр под Нью-Йорком. И еще Боб Уилсон решил вывести на международную арену молодого русского режиссера. Я посоветовала ему Кирилла Серебрякова, с которым записала на телевидении тридцать передач по новеллам Бунина "Темные аллеи". Боб приехал в тот раз только на сутки. Я стала разыскивать Кирилла. Оказалось, он у мамы в Ростове-на-Дону. Звоню ему туда и говорю, что если он придет сейчас же, то будет работать с Уилсоном. Кирилл закричал в трубку: "Алла, супер, супер. Еду!". Вечером я улетала, а на следующее утро Кирилл был в Москве и договорился с Бобом.

Я подумывала что, если бы с тем же предложением обратилась к молодому москвичу, вряд ли был такой же результат. Тот дотошно задавал бы сто вопросов, а потом еще и думал бы долго, соглашаться или нет. А талантливые провинциалы ныряют в омут и выигрывают. Они хотят работать. К счастью, Кирилл знает английский, что также мне в помощь.

ОТ СВОЕГО ИМЕНИ

— А как же Театр "А"?

— Он так и существует вместе со мной. Театр "А" — это я сама и мои затраты. Я же трачу свои деньги на костюмы, музыку, реквизит... Так что выступаю от своего имени.

— В кино снимаетесь?

— На кассетах вышел фильм "Незримый путешественник" Игоря Таланкина и его сына Дмитрия. Василий Лановой играет Александра I, а я — его жену Елизавету Алексеевну. Картина — о нескольких днях императора в Таганроге, куда он зовет жену, чтобы в последний раз поговорить. Жизнь давно у них шла параллельно, но она едет к нему. По дороге у нее несколько раз идет кровь горлом. У Елизаветы Алексеевны чахотка. Супруги открыто разговаривают, признаются, что в молодости любили друг друга, но судьба решила по-своему.... Император вспоминает даже стихи Пушкина, адресованные Елизавете Алексеевне. Императрица присутствовала на открытии Царскосельского лицея и на экзаменах. Пылкий юный поэт, как и его друзья, был влюблен в нее.

Александр сообщает супруге, что уходит в старцы. Он понимает, что в стране надо что-то делать. Ему постоянно приходят донесения о тайных обществах, но император не хочет ни во что вникать, никого не казнить, не миловать... Лев Толстой писал историю старца Кузьмича, но не закончил ее, так как были сомнения в достоверности событий. Сегодня Дом Романовых и церковь признают эту версию. В старцах Александр прожил, как предполагается, сорок лет. Императрица же умерла во время обратной дороги в Петербург.

— Где же снимался фильм?

— В московском Нескучном саду, где сохранился двухэтажный особняк, декорированный художником под таганрогский дом. Костюмы наши хранились в том же саду, в Шахматном клубе. Когда случился знаменитый августовский дефолт, "Мосфильм" был опечатан, его счета арестованы. Поскольку мы работали вне студии, то закончили съемки, но уже без денег. Однако производство и прокат у нас в разных ведомствах, вот фильм и оказался только на кассетах.

ВСЯ — В КЛАССИКЕ

— Пушкин, Гоголь, Ахматова, Серебряный век... А кто из современников интересует вас?

— Когда была в жюри премии Букера, прочитала больше 60 романов. И явно перенасытила себя, хотя и поняла, что современная литература существует. Но беллетристику мне меньше всего хочется читать. Я — в классике, в поэзии, в мемуарах. С удовольствием прочитала дневники и письма Пунина. Они свидетельствуют о том, как всякие компромиссы убивают талант.

— Однако без компромиссов невозможно прожить.

— Все так. Но чем объяснить, что все меньше мы видим больших актеров. Да и отношение к актерам сильно поменялось. Раньше оно было уважительное — как к личности. А сейчас все размывается. Место актера все ниже и ниже. Он — клоун. Актеру, однако, всегда нужно зеркальное отражение — публика. Зритель же сегодня может запросто сказать: "Да пошел ты, клоун!". А критика? Молодой человек, только начинающий смотреть театр, уже позволяет себе выносить приговор... Отвечать ему нелепо. Вот вам и компромисс. Грустно все это... И спасает классика.

Лидия НОВИКОВА.